

Монета Конрада III (1138–1152 гг.)

бения Рахили и благополучно прибыли в Иерусалим в самый день зимнего равноденствия. Вслед за тем были сделаны должные приготовления к коронованию Балдуина. В то же время патриарх Даимберт примирился с Балдуином и некоторыми из каноников своей церкви.

XXIV. В день Рождества Господня в 1101 г. Балдуин был торжественно помазан и венчан королем в церкви блаженной Марии в Вифлееме руками того же самого патриарха в присутствии епископов, духовенства и народа. Готфрид, брат и предшественник Балдуина, не делал того, потому что некоторые выражали свое неодобрение, и он сам не желал. Но, обдумав более зрело этот вопрос, все согласились, что коронование необходимо для Балдуина. Именно, говорили: «Какой смысл имеет то возражение, что Христос, наш Господь, как самый последний преступник, был увенчан тернием руками вероломных евреев, и перенес между прочими и это оскорбление в своем милосердии, ради нашего спасения? В глазах евреев терновый венец, конечно, не был почетным отличием и знаком царственной власти, а скорее бесчестьем и позором; только милостью Божьей нанесенное этими палачами оскорбление Господу обратилось к нашей славе и нашему спасению. То же нужно сказать и о короле: он делается королем по воле Всевышнего; по правильном избрании его нужно посвятить и благословить. Тот, кто облачается в звание короля и получает золотую корону, налагает на себя почетное бремя, осуждающее его творить правду, которой требуют от него. Если Бог поручает ему свой народ, то с тем, чтобы он заботился о нем и ограждал его от врагов. Конечно, о короле можно хоро-

шо сказать то же, что в Писании (1 к Тимоф. III, 1) сказано всем епископам о их звании: «Если кто епископства желает, *доброго дела желает*». И если король правит не как следует, то он не король.

В начале своего управления Балдуин, владевший только несколькими городами с населением малочисленным, могущественно защищал, даже и зимой, свое государство от нападения неприятелей, окружавших его со всех сторон. Сарацины, зная его как воина испытанной храбрости, не осмеливались нападать на него, хотя его армия была весьма слаба. Если бы у него было больше силы, то он охотно выступил бы против неприятеля. В то время дорога в Палестину сухим путем (то есть через Венгрию и Грецию) была невозможна для странников; но морем как франки, так итальянцы или венецианцы, успевали пробиваться через неприятельских пиратов и проходили под стенами городов неверных с одним, двумя, даже тремя, четырьмя кораблями, и если Бог помогал, то они, хотя и с величайшим страхом, достигали Иоппе, единственной гавани, принадлежавшей нам. Узнавая о их прибытии из западных стран, мы немедленно и с радостным сердцем шли им навстречу и приветствовали друг друга; мы принимали их на самом морском берегу, как братьев, и каждый из нас ждал вестей с родины о домашних; они рассказывали нам все, что знали, и, соответственно с тем, мы или радовались благополучию, или сетовали о несчастье дорогих нашему сердцу. Новоприбывшие отправлялись в Иерусалим и посещали св. места; некоторые из них утверждались в Св. земле, другие же возвращались домой и даже во Францию. Вследствие того Иерусалим оставался всегда без населения и не имел довольно сил защищаться от сарацин, если они осмеливались нападать. Но почему они не осмеливались? Каким образом такое множество народов и могущественных государств опасалось обрушиться на наше бедное государство и на наш малочисленный народ? Почему в Египте, Персии, Месопотамии и Сирии не соединятся несколько сот из их сотен тысяч, чтобы идти на нас, их врагов? Отчего эти люди, многочисленные, как саранча, пожирающая жатвы полей, не велятся поглотить